

ЭДУАРД ГАДЗИНСКИЙ

К Анечке

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эдуард Гадзинский
К Анечке

«Автор»

2023

Гадзинский Э. П.

К Анечке / Э. П. Гадзинский — «Автор», 2023

Двое рыбаков из небольшого северного города Надым находят в глухом лесу давно заброшенное поселение. Среди захоронений 19 века они обнаруживают могильный крест 50-го года XX века, а в единственной уцелевшей избе – человеческий скелет и исписанную тетрадь, благодаря которой удаётся установить личности погибших и узнать ранее неизвестные факты самого кровавого побега заключённых, который произошёл в 1950 году на строительстве 501 ГУЛАГа. Историк Сергею Филимонову и его друзьям предстоит разобраться в этом деле. В книге рассказывается подлинная история стройки 501 ГУЛАГа Чум–Салехард–Игарка от её строительства до наших дней и жизнь одного отдельно взятого лагпункта. Быт заключённых, распорядок дня, организация работ описываются по воспоминаниям бывших заключённых, охранников и вольнонаёмных, участвовавших в строительстве 501, 503. Обложка Эдуарда Гадзинского.

© Гадзинский Э. П., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Эдуард Гадзинский К Анечке

*Посвящается моему другу,
Вадиму Николаевичу Гриценко*

Глава 1

Лагпункт «Глухариный»

Давно, очень давно Василию не снились сны. Он даже не мог вспомнить, когда это было последний раз. А вот сегодня приснился. И какой! Аня, его любимая Анечка в красивом вечернем платье сидит за роялем в их просторной гостиной на Садовой. Её пышные каштановые волосы небрежно рассыпаны по плечам, глаза чуть прикрыты, на губах застыла мечтательная улыбка. Тонкие длинные пальцы плавно скользят по клавишам. Она играет «К Элизе» Бетховена. Это её любимое произведение. Вокруг полно гостей, и все глаза устремлены только на неё. А он сидит среди друзей на диване в элегантном чёрном костюме, с бокалом шампанского и, затаив дыхание от распирающего грудь счастья, смотрит на жену. Скоро у них будет ребёнок. Под красным шёлком платья уже просматривается округлившийся живот...

Замечательный, волшебный сон рассыпается и тает, как песчаный замок под нахлынувшей волной, и назойливое БАМ-БАМ-БАМ всё сильнее ввинчивается в сознание, прогоняя остатки прекрасного видения. Василий ещё пытается зацепиться, удержать уплывающий сон, но металлический набат безжалостно возвращает его в ненавистную реальность.

– Подъём! Вставайте! Подъём! – слышится приближающийся голос дневального. Выкрики сопровождаются отдающимися в мозгу ударами палки по перекладинам двухъярусных нар.

Василий откинул выдавшее виды байковое одеяло и медленно сел, опустив замотанные в портянки ноги на деревянный пол.

В бараке невыносимо жарко. В неясном свете, пробивающемся снаружи через зарешёченные окна, кашляя и кашляя, копошились заключённые его третьей бригады. Ненавистный рельсовый набат наконец смолк, и острое разочарование от возвращения в горькую реальность стало стихать от тут же нахлынувших приятных мыслей.

Впервые за четыре года лагерей, этапов и пересылок у заключённого номер 128204 Василия Семёновича Зверева, осуждённого пятнадцатого марта тысяча девятьсот сорок шестого года по статье 58.1а, приговорённого к десяти годам исправительных лагерей, появилась не какая-то эфемерная, а вполне реальная надежда вернуться домой. Эта надежда зародилась пять дней назад – двадцать первого мая тысяча девятьсот пятидесятого года, когда после долгого пути в «стольпинском» вагоне, в трюме баржи по широкой, как море, весенней Оби и снова в «стольпине» они наконец прибыли на стройку № 501 ГУЛЖДС¹. Здесь, в Заполярье, велось строительство трансполярной железной дороги Чум – Салехард – Игарка. Лагерный пункт № 72 с красивым названием «Глухариный» располагался на участке Салехард – Игарка среди лесов и болот в полутора сотнях километров восточнее Салехарда. «Пятьсот первая» стройка находилась на особом контроле советского правительства. Срок здесь при выполнении нормы засчитывался день за два, а если норма перевыполнялась на сто пятьдесят процентов, то день – за три. Говорили, что на особо сложных работах можно было получить зачёт и день за семь. Условия содержания, по слухам, были очень хорошие, что действительно подтвердилось в первый же день по прибытии в лагпункт.

Ещё по пути сюда, выглядывая в узкое зарешёченное окно вагона, Василий обратил внимание, что стоявшие вдоль железной дороги примерно через каждые десять – пятнадцать километров лагпункты были аккуратные и небольшие, человек на триста – четыреста, а значит, и порядка в них больше, и кормёжка должна быть лучше. Кормили здесь действительно хорошо. Много лучше, чем во всех пройденных Василием за четыре года лагерях Казахстана

¹ ГУЛЖДС – Главное управление лагерного железнодорожного строительства.

и Восточной Сибири. И даже дневальные в бараках были не «фитили» – истощённые недоеданием заключённые, которые уже не могли работать на общих работах, а вполне упитанные «шестёрки» нарядчика. Простые заключённые-работяги спали на матрасах, и даже с подушками и одеялами. И не важно, что матрасы и подушки набивались стружкой, соломой и опилками.

Но самое главное, было мало уголовников. Немало уже натерпелся «политический» заключённый Василий Зверев от этих «социально близких» советской власти элементов и посмотрелся на их дела. В «Глухаринном» эти отбросы общества так же не работали, заставляя бригадиров ставить себе зачёты, целыми днями шлёпали в склеенные из газет карты, но работяг особенно не трогали – уж больно стройка серьёзная. Недаром перед отправкой на «Пятьсот первую» все отобранные даже проходили медицинский осмотр. Работали на этой стройке действительно с энтузиазмом, особенно те, у кого были небольшие сроки.

Но и у заключённого № 128204 за пять уже отработанных дней срок уменьшился почти на полмесяца, и эта математика согревала душу и заставляла сердце радостно трепетать, потому что каждый прожитый день был маленькой победой заключённого в его жестоком противостоянии безжалостной машине ГУЛАГа. И, наконец, здесь впервые за долгие годы ему приснилась жена. Сколько раз, чтобы не сойти с ума, в промёрзшем железнодорожном вагоне, переполненном бараке или душном трюме баржи он мысленно беседовал с Анечкой и мечтал увидеть её во сне. И вот наконец...

Приятные мысли прервал суровый голос бригадира Альберта – высокого крепкого еврея, осуждённого по бытовой статье:

– Ты чего расселся? Ждёшь особого приглашения?

Спохватившись, Василий увидел, что дневальный со своим помощником уже успели принести из сушилки два больших железных обруча с нанизанными парами валенок и большая их часть была уже разобрана.

Сняв с железного кольца протертые через дырки в голенище валенки, он быстро обулся и побежал приводить себя в порядок. К счастью, у него был ходовой сорок третий размер и, как другие, перебирать несколько пар ему не приходилось. Наскоро умывшись в тамбуре ледяной водой, он вытерся внутренней полкой бушлата, потому что полагающиеся по норме полотенца простым заключённым не выдавали даже здесь, и, выбежав из барака, пристроился в хвосте уже построенной колонны. Дождались уголовников, которые, как всегда, вышли последними, и строем двинулись в столовую.

После душного барака холодный ветер приятно обжигал лицо и окончательно привёл Василия в чувство. К концу мая весна наконец пришла в Заполярье и постепенно вступала в свои права. К обеду температура уже устойчиво держалась на плюсовых отметках, и белеющие кое-где сугробы за периметром лагеря за последние три дня заметно просели. Пахло весенней сыростью, хвоей и свежеспиленной древесиной. Возле каждой постройки стояли поленицы дров. С этим в «Глухаринном» было всё отлично. Даже бараки заключённых отапливались хорошо. Возвращаясь вечером с работы, заключённые приносили с собой деревянные чурки, и ночной дневальный без всякой экономии всю ночь топил две обогревающие барак печи. Возле домов лагерного начальства лежали небольшие кучи угля, который выменивался на спирт и консервы у железнодорожников. Несмотря на обилие дров, хорошего делового леса в этих широтах мало, поэтому все строения на «Пятьсот первой» были сделаны из набитой глиной и оштукатуренной деревянной дранки. Такой же был и длинный барак столовой, служивший время от времени лагерным клубом.

Пока все сто пять человек заключённых третьего барака разбирали миски, кружки, ложки и усаживались на лавки за длинный стол, дневальные с раздатчиками уже принесли из кухни ведра с пшённой кашей, чай в больших чайниках, сахар, хлеб и под строгим взглядом стоявшего у дверей надзирателя приступили к раздаче.

Получив согласно списку, с которым сверялся раздатчик, свои восемьсот граммов чёрного плохо пропечённого хлеба, Василий сразу отломил кусок на завтрак, остальное завернул в выдавший виды платок, спрятал в карман и подставил раздатчику кружку, в которую тот насыпал отмеренную спичечным коробком порцию сахарного песка. Кусковой сахар Василий бы, конечно, приберёт на обед, но заключённым такой не давали, потому что его можно взять в побег. Хлебную пайку на «Пятьсот первой» выдавали утром, согласно поданному бригадиром с вечера списку, и это было правильно. В некоторых лагерях хлеб давали вечером после работы, из-за чего потом ночью в бараке случались драки со смертоубийством. Раздатчик плюхнул каждому в миску черпак жидкой каши, его помощники разлили по кружкам слегка подкрашенный кипяток, и заключённые быстро заработали ложками, дочиста вычерпывая сваренную на воде бледно-жёлтую массу.

Запивая пресную пшёнку сладким кипятком, Василий смотрел на хмурые, сосредоточенные лица соседей, вспоминал свой сон, и впервые за долгое время ему захотелось с кем-то поговорить. Просто поговорить. О погоде, доме, жене, о будущем. Четыре года, проведённые в заключении, он не думал о будущем. Он просто пытался выжить в замкнутой и сложной биологической системе под названием ГУЛАГ, где хищники разных видов грызутся между собой и безжалостно, с остервенением пожирают более слабые виды, а те любыми способами пытаются выжить, уворачиваясь, прячась и подставляя друг друга под острые клыки хищников.

В этой биосистеме трудно остаться собой. Трудно не растерять человеческие качества – честь, совесть, жалость, сострадание. Мало кому это удаётся. И ему не удалось. Нет, он никого не оговорил, никого не предал и не пытался выжить за счёт кого-то, но огрубел душой и разочаровался в человеках. Он так и не узнал, кто написал донос, из-за которого ему, не разбираясь, просто нарисовали десять лет исправительно-трудовых лагерей, но с первых дней заключения он почти перестал говорить с людьми. На вопросы старался отвечать односложно либо использовал минимальное количество слов и, за очень редким исключением, сам ни к кому не обращался. И не раз ему довелось убедиться, что это было правильно. Не раз и не два на его глазах просто за произнесённое в разговоре слово «побег» или упоминание имени вождя всех народов люди получали новые сроки или становились к стенке. Провокаторы и стукачи, работающие за миску супа или дополнительную пайку хлеба, тут же сдавали болтуна следователю. А стукачом и провокатором может быть любой сидящий за этим столом. Заповедь арестанта: «Никому не верь, никого не бойся, ничего не проси», услышанная им ещё в первые дни заключения, твёрдо сидела в мозгу, но оттаявшая за эти дни душа требовала общения.

БАМ-БАМ-БАМ – снова ожила рельса на кронштейне у проходной.

– Развод! Развод! – послышались выкрики бригадиров, и звон ложек о тарелки многократно усилился.

На ходу доедая и допивая, все заторопились к выходу. Надзиратели поторапливают, но внимательно следят за тем, как сдают посуду в окошки посудомоям, чтобы никто ничего не унёс с собой.

Василий тщательно собрал остатки каши кусочком хлеба, закинул в рот и через минуту выбежал на длинную улицу между бараками, где заключённые уже строились побригадно. Когда все три бригады были построены, металлический набат наконец умолк. Началась переключка.

Отозвавшись на свою фамилию, Василий стал разглядывать низкое свинцовое небо и обглоданные глухарями верхушки сосен за периметром лагеря. Не зря всё-таки лагерь назвали «Глухариный». Глухарей здесь и в самом деле было много. Места дикие, богатые зверем, рыбой, птицей, а главное – полезными ископаемыми, которые ещё до войны нашли здесь советские изыскатели. Взгляд опустился на торчащие из-под мокрого серого снега груды бухт колючей проволоки. Ещё на переключке у вагона в день прибытия Василий обратил внимание

на неубедительное ограждение лагеря, которое было сделано кое-как, что называется, «для галочки».

Содержалось в «Глухаринном» всего около трёхсот пятидесяти заключённых, размещавшихся в трёх бараках. Ларёк, почта, обувная мастерская, камера хранения – все эти имеющиеся в каждом лагере заведения здесь располагались в одном небольшом строении. В другом точно таком же здании помещались оперчасть и медсанчасть. В самом центре лагеря – небольшой штрафной изолятор с деревянными коробами-«намордниками» на окнах. Каждая постройка аккуратно побелена, везде проложены широкие дощатые тротуары с ливнёвками. Установленные по периметру и в центре вышки тоже сколочены добротной, но разделённое предзонником² наружное и внутреннее ограждение было низкое, вкопанные столбы не тёсаны и тонковаты, а ряды колючей проволоки набиты кое-как и местами сильно провисли. Ничего удивительного. Бежать отсюда было бессмысленно. Беглецу в этих местах не выжить.

Переключка закончилась. Нарядчик Тарпилин стал поочередно выкрикивать фамилии бригадиров, и те со своими бригадами, выстроенными колоннами по пять человек, шли к вахте и под конвоем уходили на работу за зону.

– Сновецкий! – наконец прозвучала фамилия бригадира Альберта, и сто пять человек бригады номер три, в которой числился и Василий Семёнович Зверев, колонной подошли к вахте. Тарпилин доложил заместителю начальника лагпункта, куда направляется бригада. Тот глянул в свой список и дал знак начальнику конвоя.

Начальник конвоя Лапин, которому заключённые за синюшного цвета, вечно опухшую с похмелья физиономию дали прозвище Слива, кашлянув, зычно пробасил:

– Бригада, внимание! Переходите в распоряжение конвоя! Все требования конвоя выполнять безоговорочно! Идти по пять человек! Никаких разговоров! Из строя не выходить! Конвой стреляет без предупреждения! Первая шеренга – шагом ма-а-арш!

Открылись высокие лагерные ворота, и колонна под яростный лай бегающих на цепи в предзоннике собак в сопровождении шестерых конвоиров вышла за зону и направилась к инструментальному складу – небольшому домику метрах в тридцати от лагеря.

Пока шли, Василий по привычке внимательно рассмотрел конвой и в очередной раз убедился, что на «Пятьсот первой», как и во всех лагерях ГУЛАГа, почти сорок процентов вооружённой охраны – это так называемые самоохранники. Из шести конвоиров у двоих не было знаков отличия. Это и были самоохранники, которых набирали из числа заключённых. Из-за острого недостатка охранников в лагерях в нарушение всех правил, а может, по какому-то секретному распоряжению их численность пополнялась за счёт «проверенных» заключённых, кому можно было доверить оружие. Обычно это были самые настоящие отбросы общества, ничуть не лучше, а, пожалуй, даже хуже уголовников. Злые, жестокие, без совести и стыда, они при любой возможности издевались над простыми работягами, выслуживаясь перед начальством. Жили самоохранники в бараках охраны за зоной, что по правилам тоже было категорически запрещено, питались вместе с охраной и делали всё, чтобы не попасть обратно в барак к заключённым, где и условия, и питание намного хуже, и к тому же за их бесчинства могли спросить, что называется, по полной. Держаться от самоохранников нужно было подальше, поэтому Василий всегда внимательно за ними следил.

Получив у инструментальщика лопаты, кирки, топоры, пилы, колонна двинулась вдоль железнодорожной насыпи к месту работы, которое находилось километрах в шести от лагеря. По правилам, если расстояние от лагеря до места, где работает бригада, более пяти километров, заключённых доставляют транспортом, но здесь это правило не соблюдалось. На «Пятьсот первой» вообще многое было по-другому. Сейчас вот похмельные конвоиры не срывали злость на заключённых, а угрюмо топали с двух сторон колонны, почти не обращая внимания

² Предзонник – полоса, отгороженная колючей проволокой от основной стены, ограждающей территорию лагеря.

на разговоры в строю. Уже два раза за время своего здесь нахождения Василий видел, как охранники заходили в толпу заключённых с оружием, что категорически запрещалось уставом. А во время работы конвоиры запросто могли угостить спиртным, например, своего земляка из заключённых.

Идти по утоптанной, подмёрзшей за ночь дороге было легко. Тёплый южный ветер, набирая силу, всё быстрее гнал низкие клубящиеся тучи, и скоро на востоке прорезалась узкая светлая полоса.

Всё ещё пребывая в каком-то мечтательном состоянии, Василий вглядывался в голубоватую ленту на горизонте и видел в этом доброе предзнаменование: будто тяжёлые тёмные тучи над головой – это его нынешнее, лагерное существование, но там, вдали, всё ярче сияет и приближается вольная, светлая и счастливая жизнь.

– Сейчас самое хорошее время в этих краях, – вдруг послышался рядом чей-то тихий голос. – И ещё осенью, во второй половине сентября. Ни сильных морозов, ни комаров, ни мошкар. Обь пока не полностью вскрылась ото льда, ещё пару недель заморозки и метели будут, а с середины июня начнётся настоящее лето и комары.

Василий повернулся на голос. Справа от него шёл Николай – высокий, широкоплечий мужчина лет пятидесяти, бывший военный, попавший в плен и отсидевший полтора года в концлагере Дахау. Бывшим пленным больших сроков обычно не давали, но, с его слов, во время следствия у него произошёл какой-то конфликт со следователем, и получил он в итоге пятнадцать лет. Они прибыли сюда одним этапом и спали в бараке на соседних нарах. Василий, как всегда, ни с кем не общался, но внимательно слушал, что говорят вокруг, и уже многое знал о «Глухаринном» и его обитателях.

Он не понял, кому были адресованы эти слова, но так же тихо спросил:

– Откуда вы знаете?

Николай, не отрывая взгляд от голубоватой полосы на горизонте, грустно усмехнулся:

– В двадцатых годах мы, тогда ещё молодые красноармейцы, били в этих краях бандитов, поднявших бунт против советской власти. Вот уж не думал, что судьба снова забросит меня сюда...

Василий, перекинув лопату на левое плечо, опасливо глянул на конвоира и снова посмотрел на соседа.

– Судя по выговору, вы родом из Сибири?

– Уроженец Тобольска, из семьи мастеровых. Дома вот только лет двадцать не был, – вздохнул тоболяк. – А вы, должно быть, из Москвы или Ленинграда?

Василий кивнул:

– Угадали. Из Ленинграда. Василий Семёнович Зверев, инженер-строитель.

– Чупраков Николай Григорьевич, бывший капитан Красной Армии. Приятно познакомиться. Судя по тому, что мы идём рядом, вашим знаниям здесь не нашлось применения?

Василий печально вздохнул:

– Не нашлось. Приглашали в шарашку³, беседовали, даже попросили выполнить пару чертежей и внесли в какой-то там резерв. Хотели пока определить в хозобслужбу, но, увы, пятьдесят восьмая...

– Да, в придурки⁴ с пятьдесят восьмой даже здесь не берут...

Немного покоробленный грубым жаргонным словечком из уст пусть и бывшего, но всё-таки офицера, Василий всё же хотел продолжить разговор, но кто-то из уголовников, идущих

³ Шарашка – разговорное название НИИ или КБ тюремного типа, подчинённых НКВД/МВД СССР, в которых работали осуждённые учёные, инженеры, техники. (Википедия)

⁴ Придурок – на тюремном жаргоне заключённый, занимающий в лагере какую-либо должность в хозяйственной службе: повар, сапожник, хлеборез, посудомой, художник, нарядчик и т. д.

в задних рядах колонны, уже не первый раз громко заржал, окончательно разозлил конвоиров, и те быстро пресекли все разговоры.

Через час прибыли на место. Охранники обозначили красными флажками границы периметра, бригадир распределил людей по местам, и все принялись за работу: кострожоги отправились разводить костры для обогрева рабочих и охраны, кто-то пошёл за тачками, кто-то с лопатами на насыпь. Чтобы перевыполнить норму, бригаде сегодня предстояло отсыпать тридцать метров железнодорожной насыпи. Когда уже подходили к месту работы, прибыли думпкары, попросту называемые «вертушками», – грузовые платформы с системой боковой выгрузки. В них на песчаном карьере грузили песок, подвозили к месту прокладки трассы, контейнер опрокидывался набок, и рабочие тачками по дощатым настилам возили песок на отсыпку. Что не высыпалось из контейнера, подчищали лопатами. По уже готовой насыпи потом укладывались шпалы и рельсы. Обычно на отсыпке работали две бригады, но уже как три дня вторую бригаду возили на срочные строительные работы в песчаный карьер. Впереди, в паре километров, по установленным инженерами из шарашки меткам расчищала путь будущей дороге первая бригада. Они сразу ставили столбы, тянули линию электропередач и линию связи. Их всегда выводили на работу первыми, и впереди над деревьями уже виднелся дым их костров. Трансполярная магистраль, или попросту «железка», преодолевая леса, болота, овраги и ручьи, ударными темпами двигалась вперёд.

Василию хотелось продолжить прерванный разговор с Николаем, но бригадир, распределяя рабочие места, поставил Василия с лопатой на «вертушку», а Николая определил на тачку, так что снова поговорить получилось только в обед.

К часу дня к месту работы подъехала телега, гружённая армейскими термосами и мешками с посудой. В каждом лагере на «Пятьсот первой» стройке имелась своя конюшня с необходимым количеством лошадей. На них расконвоированные заключённые и вольнонаёмные рабочие возили воду для столовой и бани, подвозили от станций в ларьки различные товары, если где-то не было своей пекарни, доставляли хлеб, развозили по рабочим объектам обед и так далее. В лагунке № 72 лошадей было шесть. В подъехавшей телеге сидел пожилой расконвоированный грузин по имени Гоча – весельчак и балагур, которого в лагере знали все, а с ним один из раздатчиков столовой.

Как музыка, для заключённого прозвучала долгожданная команда: «Обед!», «Обед!», «Обед!». И бригада быстро построилась на приём пищи.

Разобрав посуду, все получили по черпаку пшённой каши и расселись на брёвна вокруг костров. Четверо уголовников, как всегда, с самого утра сидели отдельно у своего костра, курили, пили чай и травили байки из блатной жизни. Когда привезли обед, вор и пахан – главарь всех уголовников «Глухариного» по кличке Клим, подозвал малолетнего кострожога Вальку, ходившего у блатных в шестёрках, что-то шепнул ему на ухо и кивнул в сторону телеги. Тот, проворно подсеменив к раздатчику, передал, что было велено, получил четыре миски каши, в которых было явно больше одного черпака, и отнёс своим покровителям. Чай у блатарей был свой – настоящий, остальные просто кипятили на костре воду и запивали еду кипятком.

Малолетних заключённых в «Глухарином» было человек около двадцати. Их примерно равным числом распределили по отрядам, и бригадирам приходилось ставить их на лёгкие работы и натягивать им норму наравне с остальными рабочими. Большинство малолеток, наслушавшись лживой, гнилой романтики блатной жизни, тянулись к уголовникам и ходили у них в шестёрках.

Брезгливо глянув в сторону блатарей, Василий сел рядом с Николаем, достал из кармана хлеб, отломил кусок и, не торопясь, принялся за еду, зачерпывая небольшими порциями горячую кашу.

К обеду совсем распогодилось. Небо прояснилось, и яркое солнце уже совсем по-весеннему грело подставленные ему сгорбленные спины в чёрных телогрейках.

– У вас какой срок? – спросил Николай, глянув на соседа.

– Десять лет. Четыре уже позади.

– Вам повезло. Успеете выйти до окончания строительства. У меня тоже четыре позади, но мне с моей пятнашкой не успеть. Придётся досиживать где-то ещё.

– Вы думаете, дорогу построят так быстро? – удивился Зверев.

– Уверен. Сами видите, какими темпами идут работы. В три года всё будет готово.

– Тысяча двести километров по этой местности за три года? – инженер-строитель немного подумал, посмотрел на ряд «вертушек» и уверенно покачал головой: – Нет. Это вряд ли.

– Увидите. Летом дело быстрее пойдёт.

Василий неопределённо пожал плечами:

– Летом работы ещё прибавится. Много участков придётся ремонтировать. Весенний паводок сейчас во многих местах размочит насыпь.

Николай иронически усмехнулся:

– Это не проблема! Ещё людей нагонят.

После обеда бригадир отрядил в помощь кострожогам шесть человек на заготовку дров. По обеим сторонам дороги внутри периметра охраны лежали оставленные вальщиками дрова, которые пилились на чурки и в конце рабочего дня уносились рабочими в лагерь. Пилить дрова было легче, чем толкать тяжёлую тачку или перекидывать лопатой кубометры песка, поэтому Альберт ставил на эту работу только малолеток и пожилых. Остальные увеличивали темп работы, чтобы успеть выполнить норму.

К вечеру дали сто тридцать процентов. Конечно, не обошлось без обычной хитрости: закончив пилить дрова, заключённые перетащили срезанные ветки на насыпь, где остальные благополучно закидали весь этот мусор песком. Это называлось «натянуть норму» или «зарядить туфту». От выполнения нормы зависели зачёты и питание – «котёл» бригады. Никого не волновало, что буквально через год дорога просядет и её придётся ремонтировать. Сейчас у всех была одна цель – выполнить и перевыполнить норму. Конвоиры, как обычно, в строительные дела не лезли. Они спокойно сидели на брёвнах, нежась на солнышке, пили чай, а некоторые доставали из-под полушубков кое-что и покрепче, перекидывались шутками с блатными и присматривали за теми, кому нужно было отойти по нужде.

С лязгом и скрежетом одна за другой опрокидывались «вертушки», с шуршанием вонзались в мокрый песок десятки лопат, гулко катились тяжёлые тачки по скрипучим дощатым настилам. Всё это повторялось снова и снова, превращаясь в тяжёлую, уродливую бесконечную мелодию. Это была музыка ГУЛАГа. Сотни тысяч людей по всему Советскому Союзу играли свои партии в этом страшном оркестре, у сотен тысяч она навсегда, до самой смерти будет звучать в голове, и для скольких ещё эта музыка станет похоронным маршем...

Наконец в пять часов вечера раздалось долгожданное:

– Съём! Съём! Съём!

Высыпав последние тачки, бригада потянулась на построение. Те, кто не получал инструмент, разбирали заготовленные деревянные чурки и становились в строй. Когда колонна была построена, конвой снял красные флажки, и бригада двинулась в лагерь, шаркая тяжёлыми отсыревшими валенками по раскисшей грязи. Багровое солнце висело низко над горизонтом, но уже не грело, и ледяной северный ветер снова заставил работяг застегнуть телогрейки. На обратном пути в колонне, как правило, уже никто не разговаривал. Уставшие и голодные, все хотели поскорее вернуться в лагерь, поесть и забыться сном. Только уголовники, как всегда и во всех лагерях, бодро шагали, да ещё иногда умудрялись на ходу играть в карты. Василий

опять шёл рядом с Николаем и, несмотря на усталость, был не прочь пообщаться ещё, но, глянув на хмурое лицо соседа, не решился завести разговор.

Расконвоированный инструментальщик Пахомыч, старый, седой как лунь дед, досиживающий небольшой срок по бытовой статье, увидев в окно бригадира, идущего впереди приближающейся колонны, заглянул в лежащий на дощатом столе журнал, накинул телогрейку и вышел из своей уютной мастерской. Открыв широкую дверь, он вышел под навес и, улыбнувшись беззубой улыбкой Альберту, прошепелявил:

– Што, можна пошдравить?

Альберт устало кивнул:

– Можно, Пахомыч, можно. Сто тридцать процентов.

– Вот молодшы. Вот шлавно. Шкоренько дома будете, – приговаривал добрый старик, принимая инструмент.

Снова выстроившись в колонну, бригада направилась к воротам лагеря, а Пахомыч стал не спеша осматривать и заносить в мастерскую лопаты, топоры, пилы, складывая на широкий верстак то, что требовало ремонта.

– Сто тридцать процентов! – громко крикнул Альберт охранникам проходной, и лагерные ворота широко распахнулись, беспрепятственно пропуская колонну в лагерь.

– Молодцы! Так держать! – с энтузиазмом крикнул проходящей бригаде низкорослый, коренастый охранник.

За то время, что Василий провёл в лагпункте «Глухариный», их бригаду, равно как и остальные, ни разу на входе не обыскивали. Или, говоря по-лагерному, не шмонали. Да и что можно было принести из такой забытой всеми богами глуши, в которой работали заключённые? «С воли» здесь никто ничего заключённому не передаст. По рассказам одного не то историка, не то этнографа, с которым плыли сюда на барже, кочующие в этих краях коренные жители – ненцы, которых в старые времена называли самоедами, всегда, ещё с царских времён, были злейшими врагами каторжан. И при царе, и при новой власти, если кто-то из заключённых уходил в побег, ненцы охотно принимали участие в его поимке. За живого или мёртвого беглеца инородцам давали муку, порох и денежное вознаграждение. Причём и раньше, и сейчас доставлять живым пойманного заключённого было совсем не обязательно, достаточно принести лагерному начальству кисти его рук.

Пока бригада всё так же пятёрками входила в зону, охранники пересчитали заключённых, чтобы не тратить время на перекличку, и конвой, сдав своих подопечных, отправился в своё расположение за территорией лагпункта.

По заведённому в лагере порядку, каждая бригада снабжала дровами не только свой барак, но дополнительно ещё одно или два помещения. Так, третья бригада Сновецкого, оставив у закреплённой за ней вахты часть дров, сложила остальное у своего барака и отправилась на ужин.

Голодные, чуткие на запах любого съестного заключённые, едва войдя в столовую, мгновенно уловили аромат селёдки и соевого супа и заметно оживились. Василий, потянув носом, тут же ощутил в животе болезненный спазм и сглотнул. Он посмотрел в угол, где за столом уже принимала пищу вторая бригада. Да, сегодня действительно к соевой похлёбке давали ещё и селёдку, хотя обычно было что-то одно. Получив посуду, Василий поспешил занять место подальше от блатных. Те всегда сидели в дальнем от входа углу стола, и никто не хотел садиться с ними рядом. Шестёрки уголовников, развлекая своих главарей, постоянно издевались над соседями, а то и отбирали у них еду, поэтому все старались успеть сесть от них подальше.

– Подгорному майора дали за отличные показатели, – услышал Василий у самого уха голос Николая. – Вот он и расщедрился.

Начальник лагеря Подгорный Михаил Тимофеевич, прошедший войну настоящий боевой офицер, с громким командным голосом и суровым нравом, по возрасту явно засиделся

в капитанах и, судя по двойной порции заключённым, суете поваров на кухне и довольным физиономиям охранников, решил отметить долгожданное звание с размахом.

– Определённо сегодня хороший день, – улыбнулся Василий, глянув на усаживающегося рядом Чупракова. – Впервые за три года приснилась жена и наша квартира в Ленинграде, познакомился с вами, а тут ещё и праздничный ужин!

Николай хотел было что-то ответить, но раздатчик уже плюхнул в миску черпак на удивление густого соевого супа, его помощники следом выдали селёдку, налили кипятка, и все разговоры вокруг тут же прекратились.

Василий достал из кармана остатки хлеба и первым делом принялся за селёдку. Надкусив зубами у головы кожу, он аккуратно оторвал со спины длинный жгут сначала с одного бока, потом с другого и, тщательно пережёвывая, с наслаждением съел самые вкусные кусочки, заедая их хлебом и супом. Надзиратели в предвкушении грандиозной попойки пребывали в благодушном настроении и никого сегодня не торопили.

– Приятно знать, что где-то тебя ждут родные люди. Это помогает выжить, – сыто вздохнул Николай. Он, как и большинство сидящих за столом, по выработанной годами заключения привычке управился с пайкой за пару минут и теперь осторожно прихлёбывал из кружки кипятка. – А меня никто нигде не ждёт. Ни жены, ни детей. Родителей и братьев ещё в двадцатых не стало...

Василий вытер рукавом телогрейки выступивший от горячей пищи в натопленной столовой пот со лба и пожал плечами.

– Кто его знает, как оно тут лучше...

– Нет, нет, Василий Семёнович. Поверьте, нет ничего хуже одиночества. Я уж это точно знаю.

От непривычно обильного ужина тружеников «Пятьсот первой» разморило больше обычного, и едва отряд добрался до барака, как все, включая малолеток, которые обычно ложились позже всех, тут же попадали на нары. Устраиваясь поудобнее на туго набитом стружкой вперемешку с опилками матрасе, Василий посмотрел на Николая. Долговязый, мосластый тоболяк не помещался на коротких нарах, и его босые ноги торчали в проходе. После столовой они больше не говорили, но Василий чувствовал, что впервые за три года он встретил человека, с которым ему хочется общаться. А может, это просто образ Анечки так на него повлиял. В этом ещё предстояло разобраться...

Не успели ещё дневальный с помощником унести на просушку валенки, как со всех сторон уже слышался храп. Барак спал. Только в отгороженном занавесками «воровском» углу блатных горела лампочка и, как обычно, шла какая-то возня. Зверев опустил голову на шуршащую, набитую соломой подушку и закрыл глаза. Сквозь накатывающую сонную пелену откуда-то издали донеслись разухабистые переливы гармошки.

Глава 2

Николай Чупраков

Проснулся Василий от невыносимой головной боли. Поворочав во рту сухим шершавым языком, он открыл глаза и приподнялся. В висках гулко стучало, голова казалась чугунной.

Проникающий в окна свет белой северной ночи тускло освещал помещение. За длинным столом посередине барака, положив голову на руки, спал дневальный. В углу у блатных было темно. Только в тамбуре, как всегда, горела единственная лампочка.

Опустив ноги на пол, Василий сгрёб под мышку бушлат и медленно поднялся, мысленно благодаря судьбу за то, что он спал на нижних нарах. Каждое движение гулко отдавалось острой болью в голове, и, если бы ему пришлось сейчас спрыгнуть со второго яруса, он бы, наверное, тут же и умер. После пересоленной селёдки и страшной духоты сильно хотелось пить. Покачиваясь, он дошёл до стола, взял кружку, зачерпнул воды из стоявшего на печке ведра и залпом всё выпил. Вода была тёплая и дрянная на вкус, но стало немного легче. Хорошую, хоть и желтоватую от переизбытка железа воду из ручья водовоз привозил в столовую и администрацию, а для питья и умывальников заключённым набирали в небольшом озере с талой водой рядом с лагерем.

Вернув кружку на место, Василий толкнул в плечо дневального:

– Хорош дрыхнуть, барак проветри. Зачем так натопил? Угореть можно.

Дневальный по прозвищу Огурец поднял голову и непонимающе захлопал глазами.

– Барак, говорю, проветри! Какого чёрта так натопил? – зло процедил Василий.

Огурец виновато развёл руками:

– Да я что, люди мёрзнут, тепла требуют, – он показал на угол блатных. – Люди велели подкинуть – я подкинул...

Глянув на разрисованные местными умельцами, сделанные из простыней занавески, отгораживающие угол, где обитали уголовники, Василий зло скрипнул зубами, повернулся и пошёл к выходу. В тамбуре стояло несколько пар обрезанных, огромного размера валенок с калошами, специально предназначенных для выхода в туалет. Сунув ноги в ближайшую пару, он вышел на крыльцо, облокотился на столб козырька и жадно вдохнул полной грудью морозный воздух. Северный ветер швырял в лицо колючую ледяную крупу, но это было приятно. Несмотря на сильную головную боль и тошноту, мысли были на удивление ясные. Он всегда испытывал отвращение, слыша, как уголовники, эти отбросы общества, называют своё омерзительное сборище «люди», а нормальных людей – «фраера», и сейчас мысленно похвалил себя за то, что сдержался и не выругался вслух. Огурец наверняка бы передал блатным его слова, а разборки с уголовниками были совсем ни к чему. Сейчас ему нужны зачёты, чтобы скорее вернуться домой. Вспомнив о том, что завтра, точнее уже сегодня, воскресенье – банный день, и зачёта день за два не будет, Василий вздохнул и, шаркая валенками по прихваченному ночным заморозком песку, направился в туалет.

Почти во всех лагерях, где он был, заключённые не утруждали себя лишней прогулкой до туалета и справляли малую нужду прямо на угол барака, отчего зимой на углах нарастали жёлтые сосульки, которые время от времени сбивали и увозили на тачках дневальные. Василий не мог заставить себя делать так же, тем более сейчас, когда на дворе стояли белые ночи, и каждый раз тащился до туалета, который находился метрах в пятидесяти от барака.

Пошатываясь и кривясь от пульсирующей головной боли, он на половине пути свернул в сторону и собрал горсть чистого снега у большого агитационного плаката, гласящего, что труд в СССР есть дело чести, славы, доблести и геройства. Приложив холодное ко лбу, он, спохватившись, посмотрел на стоявшую неподалёку вышку. Закутанный в тулуп охранник погрозил ему

кулаком, напоминая, что отклоняться от установленного маршрута передвижения по лагерю ночью категорически запрещено. Василий, не отнимая от головы компресса, быстро зашаркал в сторону уборной. Несмотря на то, что было уже почти утро, со стороны домов за периметром ещё доносились выкрики и нестройное пение. Прислушавшись, Василий узнал звонко-трескучий «Железнодорожный марш», сочинённый Дунаевским в тысяча девятьсот тридцать седьмом году, и почему-то вспомнил только что прочитанную надпись на плакате: «ТРУД В СССР – ДЕЛО ЧЕСТИ, СЛАВЫ, ДОБЛЕСТИ И ГЕРОЙСТВА!». Эти слова, произнесённые Сталиным двадцать лет назад на шестом съезде ВКП(б), вызывали в его душе негодование и злость. Да, труд в СССР, даже подневольный, конечно же, должен быть делом чести, славы, доблести, геройства, ибо труд этот направлен на процветание Великой страны, на строительство социализма. Но за двадцать лет они, стоящие у руля, так и не поняли, что труд не должен унижать человека, не должен превращать его в грязное, забитое животное, в бесправную скотину. Всякий труженик, тем более заключённый, должен ощущать свою причастность к великому делу, гордиться этим и получать за свой труд соответствующее вознаграждение. Труд заключённых должен быть организован так, чтобы каждый оступившийся человек нашёл своё место в этом огромном механизме великого строительства, где каждому винтику, каждой мельчайшей детали обязательно есть место, чтобы за время заключения он притёрся в этом механизме, стал его частью и, выйдя на свободу, продолжал трудиться ещё усерднее.

Пытаясь размышлениями отвлечься от головной боли и глядя себе под ноги, Василий едва не столкнулся у входа в туалет с ближайшим подручным Клима – жуликом по кличке Скок.

– Шнифты разуй! – зло буркнул блатарь, толкнув Василия плечом, отчего тот едва не упал.

Установленный на возвышении из брёвен дощатый туалет с двумя узкими окошками под самой крышей был рассчитан на два барака. В длинном помещении без перегородок чернело десятка два отверстий в полу, над дверью тускло светила единственная лампочка. Подойдя к ближайшему отверстию, Василий бросил в него подтаявший кусок снега и вдруг услышал позади какое-то движение. Обернувшись, он увидел в дверном проёме уходящую сутулую фигуру, узнал конюха Гочу и удивился, что всегда весёлый и чрезвычайно общительный грузин почему-то даже не поздоровался.

Прогулка на свежем воздухе и холодный компресс немного притупили головную боль, и Василий, начиная уже подмерзать, вернулся в барак.

Поморщившись от обдавшей лицо духоты и шибанувшего в нос тяжёлого запаха немытых тел, он прошёл мимо дрыхнувшего за столом дневального, выпил ещё кружку воды и улёгся на своё место. Устраиваясь поудобнее, он глянул на Николая и увидел, что тот лежит с открытыми глазами и внимательно на него смотрит. Василий кивнул соседу и хотел было отвернуться, но тот придвинулся ближе и тихо зашептал:

– В следующий раз, когда будете вставать ночью, советую сперва выждать некоторое время и послушать, не ходит ли ещё кто-то помимо дневального. Вставайте только тогда, когда убедитесь, что кроме дневального больше никого нет. Послушайте моего совета. Я вам потом всё объясню.

Сказав это, Николай, не дожидаясь ответа, повернулся спиной и, по-детски поджав ноги, затих.

Василий попытался вникнуть в смысл услышанного, но снова подступившая головная боль, храп, стоны и кашель соседей не давали сосредоточиться. Так и не собравшись с мыслями, он закрыл глаза и мгновенно уснул.

Утром после завтрака дневальные всех трёх барачников получили на вахте чемоданчики с бритвами и машинками для стрижки, на вещевом складе мыло для своих бригад, и первый барак сразу отправился на помывку и прожарку одежды. Чтобы нагреть воду, печи в бане начи-

нали топить ещё ранним утром, и к завтраку всё уже было готово. Партиями по двадцать пять человек заключённые заходили в баню, скидывали в одну кучу в предбаннике одежду, и истопник с помощником из прожарки сразу уносили её на обработку. Потом дневальные машинками выбривали каждому волосы на голове, под мышками и в паху. Щетину на лице каждый брил сам. Эти процедуры были обязательными, и даже уголовники их проходили. Потом каждому выдавалось по небольшому кусочку мыла и все отправлялись мыться. Несмотря на стрижку, баню, прожарку, вши были у всех заключённых, но по сравнению с другими лагерями, через которые пришлось пройти Василию Звереву, это было вполне сносно. По крайней мере, здесь, на «Пятьсот первой», оставленная на нарах одежда не шевелилась от кишаших на ней паразитов. А вот за причёской все заключённые старались следить особенно, даже если по какой-то причине пропускали баню. Тем, у кого надзиратель замечал отросшие длиннее нужного волосы, просто выстригали машинкой полосу ото лба до затылка, и до следующего банного дня бедолагам приходилось ходить в таком виде.

До обеда, пока мылись первая и вторая бригады, обитатели третьего барака занимались хозяйственными делами. Один из помощников дневальных принёс с вахты мешок с лоскутами материи на заплаты, иголками, нитками, и те, кому было нужно, занялись починкой одежды. Кто-то приводил в порядок матрасы, разминая сбившиеся в комья опилки и добавляя свежую стружку, которую брали в плотницкой мастерской. Кто-то помогал плотникам ремонтировать рассыхающиеся нары. Всё в бараке, да и во всём лагере, было сделано преимущественно из сырого соснового леса, который быстро высыхался, отчего постоянно приходилось ремонтировать нары, стол, лавки, двери и прочее...

Пока Василий пришивал заплату на порванные ватники, Николай с соседями, занимавшими верхний ярус, помогал плотнику по имени Дамир подбивать разохшиеся доски настилов, которые последнее время жутко скрипели. Время от времени в барак заходил дежуривший сегодня надзиратель, которого все называли просто Степаных. Наблюдательный Василий внимательно следил за этим интересным субъектом. Его полное имя было Павел Степанович Гриднев. Лет пятидесяти с небольшим, высокий, плотного телосложения, с торчащими щёткой короткими седыми волосами и с длинными такими же седыми обвисшими запорожскими усами, всегда спокойный и улыбочивый, Степаных ходил по баракам, общался с заключёнными и одинаково находил общий язык хоть с интеллигенцией, хоть с крестьянами, хоть с блатарями. Разбирался он абсолютно во всём. Мог дать толковый совет и плотникам, и печникам, со знанием дела порассуждать и о Великой французской революции, и о разведении кроликов. Людей он видел насквозь. Во время таких разговоров с заключёнными многомудрый Степаных, похоже, подбирал верную кандидатуру будущего секретного сотрудника, сокращённо – сексота, а на лагерном жаргоне – стукача. Поговорит добрый, безобидный надзиратель вот так с каким-нибудь бывшим юристом или колхозником, а потом того вызывают в оперативно-режимную часть, и там уже опер беседует с ним по душам, пообещает какое-нибудь поощрение или припугнёт (тут к каждому свой подход) – и готово. На беседу в оперчасть вызывали всех, а уж кто устоял и вышел оттуда с чистой совестью, а кто стукачом – подика определили...

За четыре года отсидки Василия, разумеется, тоже не раз пытались вербовать. После такой «беседы» в Норильлаге он неделю не мог ходить без посторонней помощи в туалет и мочился кровью. Поэтому он всячески старался избегать общения со Степаныхем, которого не без оснований считал серым кардиналом оперативно-режимной части. Достаточно хотя бы посмотреть, как уважительно разговаривают с этим с виду простым, чем-то похожим на доброго Деда Мороза надзирателем и начальник ВОХР⁵, и начальник оперчасти, и даже суровый Подгорный. Поэтому, когда Степаных, поговорив с кучкой что-то активно обсуждающих латы-

⁵ ВОХР – вооружённая охрана.

шей, бывших «лесных братьев»⁶, направился в его сторону, Василий опустил голову и весь сосредоточился на шитье, чтобы не встречаться с ним глазами. Надзиратель ненадолго задержался возле Дамира, понаблюдал за его работой и медленно пошагал дальше.

Закончив возиться с заплатой, Василий вернул иглу, сложил ватники и стал ждать, когда починят нары. Помощников у плотника было достаточно, и дело уже подходило к концу.

– Вот теперь всё ладно, – удовлетворённо кивнул Николай, усевшись на своё место, когда всё было закончено.

Дамир собрал инструмент и пошёл в другой конец барака. Работы у него всегда было много, а Василий помог соседям разложить обратно матрасы, одеяла, подушки и лёг отдохнуть. Всё утро он ждал удобного момента, чтобы поговорить с Николаем без свидетелей, но пока такой возможности не представлялось. С самого подъёма они ещё не перекинулись и парой слов.

Только ближе к обеду, когда соседи куда-то разошлись, Василий посмотрел по сторонам и, убедившись, что их никто не может подслушать, повернулся к Чупракову и шёпотом спросил:

– Скажите, почему не следует вставать ночью в туалет, если кто-то, кроме дневального, ходит по бараку? Спасибо за предупреждение, но я никак не могу взять в толк...

– Потому что блатари могут вас прирезать, – перебил его Николай. Он явно ждал этого разговора и быстро зашептал: – Уголовники готовят побег. Они заставляют дневального так жарко топить печь, потому что ночью сушат сухари. Потом один из жуликов ночью в туалете передаёт сухари конюху Гоче, а тот прячет их на своей конюшне. Вчера, когда вы выходили, Скок, кажется, передавал грузину очередной мешочек. Если ещё раз вас заметят во время такой передачи, подумают, что вы их выслеживаете, убьют на работе или просто зарежут ночью.

Первое чувство, которое испытал Василий, услышав эти слова, было глубокое, тоскливое разочарование. Впервые за четыре года он с кем-то завёл разговор, можно сказать, доверился, рассказав о своём сне, и этот человек оказался провокатором. Отсидевший несколько лет заключённый, если он не провокатор, никогда не заговорит о побеге с малознакомым человеком. Ни в одном лагере заключённые не говорят на эту тему. Такие разговоры быстро доходят до лагерного начальства, тут же расцениваются как сочувствие побегу, и болтун получает новый срок. Заводят такие разговоры только новички или провокаторы по наущению следователей, которым всегда нужны показатели. И ещё, в лагере каждый думает только о себе. Каждый хочет только одного – выжить. Никто не станет предупреждать кого-то об опасности, если это может повредить ему самому. Не зря же в арестантской заповеди: «Никому не верь, никого не бойся, ничего не проси» «не верь» стоит на первом месте.

Видимо, прочитав по выражению лица мысли собеседника, Николай с грустной усмешкой добавил:

– Не будем больше говорить об этом. Просто примите к сведению.

Ничего не ответив, Василий откинулся на подушку и, стараясь унять эмоции, принялся размышлять. Если это просто провокация, чтобы посмотреть, как заключённый Василий Зверев отреагирует на такую информацию, – это одно. На допросе ещё есть шанс отболтаться. А что, если уголовники действительно готовят побег? Видел же он вчера и Скока, и Гочу, да и сушка сухарей похожа на правду. Иначе зачем бы так натапливать барак? Возможно, администрации лагеря стало известно о готовящемся побеге и провокатору Чупракову поручено подвести Зверева под расстрел вместе с уголовниками? Никакому начальству не нужны молчуны с дерзким характером, от которых неизвестно чего ждать. В личном деле заключённого Василия Семёновича Зверева наверняка есть сведения о его выходке в Норильлаге, когда он во время

⁶ «Лесные братья» – национально-освободительное формирование, действовавшее на территории Прибалтийских республик в 1940-х – 1950-х годах.

вербовки в сексоты якобы случайно опрокинул предложенный ему сладкий чай на документы начальника оперчасти. Тогда ему отбили почки, сломали пару рёбер и выбили зуб. С другой стороны, Николай не похож на провокатора. Всю жизнь был военным, сражался за советскую власть, прошёл через ужасы концлагеря и этой же властью после освобождения снова посажен. И на большой срок. А что, если он и в концлагере был провокатором и за это ему и дали большой срок? А теперь он выслуживается уже перед другим начальством...

Перебирая всевозможные версии, Василий не заметил, как пришло время обеда. Николай всё это время лежал на соседних нарах с закрытыми глазами. То ли спал, то ли просто отдыхал, было не понятно, но больше они не говорили.

Одеваясь на построение, Василий, не придя в своих размышлениях ни к какому выводу, принял самое правильное решение – выждать время.

В столовой на обед, как обычно, давали соевый суп. Неизвестно почему, сою здесь все называли «магара». Зелёная, мельче гороха, она была очень питательная и вкусная, но, как правило, самую гущу получали только бригадиры и уголовники. Раздатчики виртуозно владели искусством зачерпывать определённое количество тяжёлой сои, которая оседала на дне бака или ведра, и простым бригадникам доставалась обычно только жижа. Василий, всё ещё терзаясь сомнениями насчёт Николая, не хотел портить отношения с соседом и сел за стол рядом с ним, но желание разговаривать с кем бы то ни было у него пропало. Чупраков тоже молчал, сосредоточенно хлебая мутную соевую похлёбку.

К концу обеда высокий, худощавый, вечно угрюмый и злой надзиратель по прозвищу Лом всем громко объявил, что сегодня после ужина состоится концерт, из Салехарда прибудет музыкальный коллектив русской народной песни.

– А девки будут, начальник?! – весело спросил кто-то из блатарей.

– После обеда всем бригадирам отрядить по шесть человек убрать столы и составить лавки. Ужин сегодня будет в бараках, – распорядился Лом, не обращая внимание на выкрики и шумное оживление.

Баня и все неприятные процедуры перед ней прошли быстро. Одним тазом чуть тёплой воды и одним холодной много не намоешься. Водовоз подвозил воду, её таскали вёдрами в большие, встроенные в печи чугунные чаны, но она не успевала нагреваться. Хорошо хоть парная была уже достаточно прогрета двумя предыдущими отрядами.

Выходя из бани, кутаясь в тёплую после прожарки телогрейку, Василий увидел у конюшни две пустые незнакомые распряжённые телеги, на которых, должно быть, прибыли артисты, а из столовой уже выносили столы и составляли вдоль стены один на другой.

В шесть часов вечера зазвонили на ужин, и скоро в барак принесли вёдра с пищей.

– Сегодня перловка! На мясном бульоне! – с гордостью объявил мордатый раздатчик, и в бараке поднялся радостный шум. Все тут же стали рассаживаться за два длинных стола посередине барака.

Перловку Василий не ел уже, наверное, год и, обрадовавшись этой новости, тоже поспешил к столу.

– Это артистам угощение готовили, и нам мясной бульон с барского стола перепал! – улыбнулся Николай, усаживаясь рядом.

Голод, как обычно, отодвинул на второй план все остальное, и Василий, не думая больше ни о чём, кроме перловки на мясном бульоне, тоже улыбнулся:

– Эх, не на инженера нужно было идти учиться, а в музыкальную консерваторию поступать, как моя жена. Играл бы сейчас на аккордеоне или балалайке, ел бы варёное мясо...

– Кабы знал, где упадёшь, соломки бы подстелил! – рассмеялся Николай.

Зачерпывая маленькими порциями невыразимо вкусную перловую кашу, Василий наслаждался уже подзабытым вкусом и тщательно пережёвывал упругие зёрна, запивая горячей водой. Когда тарелка опустела, он дочиста собрал остатки липким мякишем хлеба.

Пока дневальный с помощниками собирали посуду, опять звонко запела рельса на вахте, и Альберт объявил построение.

К столовой, которая сейчас превратилась в клуб, со всех сторон тянулся народ. Войдя внутрь вслед за Чупраковым, Василий с любопытством осмотрелся.

Стена, отделяющая кухню от помещения для приёма пищи, была завешена широким белым полотном с художественно нарисованной берёзовой рощей. Невысокую сцену ярко освещали установленные с двух сторон прожектора. Четверо музыкантов в расшитых русских косоворотках сидели на принесённых из администрации стульях и готовились к выступлению. Высокая, статная женщина в русском сарафане и нарядном кокошнике, стоя спиной к залу, давала им какие-то указания. В зрительном зале на расставленных рядами лавках рассаживались побригадно. Как во всех лагерях, самый первый ряд предназначался для начальства, и пока он был пуст. Следующие два ряда тоже пустовали – они отделяли начальство от заключённых, их обычно никто не занимал, разве что кто-то из охраны или надзиратели. В четвёртом ряду сидели блатари первой бригады со своими приближёнными, а за ними уже все остальные. Надзиратели Степаныч и Лом давали указания бригадирам, кому куда садиться, и зал быстро заполнялся.

Когда все собрались, последним вошло лагерное начальство, степенно расселось по своим местам, и концерт начался.

Солистка, настоящая русская красавица, со стройной фигурой и богатой русой косой, обратилась к зрителям высоким, мелодичным голосом:

– Музыкальный коллектив «Берёзка» приветствует строителей Трансполярной железной дороги и открывает свой концерт русской народной песней «Что стоишь, качаясь»!

И под аккомпанемент балалаек и аккордеона запела великолепным лирическим сопрано:

Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Головой склоняясь
До самого тына...

Василий ощутил, как от чувствительной песни в неожиданно прекрасном исполнении сердце сладко сжалось, к горлу подкатился ком, а из глаз вот-вот покатятся слёзы. Благодаря музыкальному слуху и жене, которая просто обожала ходить на концерты, он неплохо разобрался в типах женских и мужских голосов и никак не ожидал встретить в этой глуши столь замечательное исполнение. У Анечки самой было чистейшее колоратурное сопрано, и дома, в узком кругу, она иногда пела. Она окончила консерваторию, а позже там же и преподавала по классу фортепиано. Петь на публику она стеснялась и всегда говорила, что у неё слабый голос. Пытаясь справиться с нахлынувшим приливом чувств, Василий посмотрел вокруг и увидел, что все сидящие рядом с ним испытывают то же самое. По исхудавшим, изрезанным морщинами лицам у многих катились слёзы, и все глаза были устремлены на сцену. Истосковавшись по красоте люди жадно ловили каждый звук, каждое движение на сцене, как бредущий по жаркой пустыне измождённый путник, добравшись до бьющего из-под земли родника, глотает живительную влагу.

Едва допев последний грустный куплет, красавица лихо трянула широкими рукавами, упёрла руки в бока и тут же звонко завела задорную «Вдоль по Питерской». Публика зашевелилась, на лицах появились улыбки...

Концерт длился около часа. Неутомимая солистка, пританцовывая, пела песни одну за другой почти без перерыва, а хорошо сыгранные музыканты исправно ей аккомпанировали.

Завершился концерт старинной цыганской песней «Валенки», которая в годы Великой Отечественной войны благодаря Лидии Руслановой приобрела широкую известность и теперь уже считалась русской народной.

В конце, когда солистка со своими музыкантами поклонилась публике, в зале на несколько секунд повисла тишина. На спектаклях и концертах, которые проходили в лагерях ГУЛАГа, аплодисменты были запрещены, но, если первыми начинало аплодировать начальство, остальным не возбранялось следовать их примеру. Первым, громко захлопав, поднялся с места Подгорный, за ним – начальник оперчасти Назаров, и зал буквально взорвался овациями, которые не стихали несколько минут.

После концерта оставленные от каждой бригады заключённые принялись заносить обратно столы и расставлять всё на свои места. И, конечно же, все поглядывали на солистку и музыкантов, которые в предвкушении угощения в просторном доме начальника лагеря с довольными лицами собирали свой реквизит. Артистов всегда угощали после концерта. Даже если труппа состояла из заключённых. Поэтому попасть в лагерную самодеятельность было огромной удачей и большим шансом выжить в мясорубке ГУЛАГа. Артисты не ходили на общие работы, жили отдельно, питались лучше, чем рядовые рабочие, и, глядя на этих счастливых, многие горько сожалели о том, что не умели играть на аккордеоне, балалайке или хотя бы управляться с ложками или бубном.

Вечернего построения и переключки сегодня не было. Альберт перед входом в барак пересчитал людей и ушёл к нарядчику получать наряд на завтра.

После отбоя, ещё находясь под впечатлением от концерта, многие не спали. Отовсюду слышались тихие разговоры и негромкий смех. В воровском углу, как всегда, горела лампочка, но обычного для этого времени оживления за их расписными занавесками сегодня слышно не было и на работы за шум никто оттуда матом не ругался. Похоже, и в их гнилых душах очаровательная певица смогла пробудить что-то человеческое. Хотя кто знает, что они там делали со своими шестёрками...

Василий и Николай тоже не спали. Оба вздыхали и ворочались с боку на бок, думая каждый о своём.

Услышав, как сосед в очередной раз повернулся, Василий открыл глаза и встретился взглядом с Николаем. Тот грустно усмехнулся:

– Вам тоже не спится? И я никак не могу уснуть. Глаза закрываю, а в голове её голос звучит... Настоящая русская красавица. Певунья. Прелесть!

Глядя на детскую восторженность тоболяка, Василий улыбнулся:

– Да, красивая девушка и голос прекрасный. Если бы почаще устраивали такие концерты, глядишь, даже здесь стало бы светлее и люди добрее бы относились друг к другу. Баня очищает от грязи людские тела, а музыка очищает от скверны людские души. Это же так просто. Талантливых музыкантов и артистов у нас много, всем бы работа нашлась.

Чупраков вздохнул:

– Помню, как пела «Валенки» Лидия Русланова с кузова грузовика в июле сорок третьего под Курском, а мы слушали затаив дыхание. А утром, когда шли в атаку, ребята громко пели эти самые «Валенки». И вроде не так страшно было с песней на смерть идти...

– Ну, голосом Лидии Андреевны даже великий Шалапин восхищался. Мы в тридцать девятом году с женой были на её концерте в Москве. У меня жена преподаёт фортепиано в консерватории Римского-Корсакова в Ленинграде. Каждый день дома звучала музыка. На концерты, спектакли ходили...

– Пишет?

Лицо Василия помрачнело, он покачал головой.

– За четыре года ни одного письма. И я уже как год перестал писать.

– Ничего, скоро увидите! – улыбнулся Николай и, тут же меня больную для каждого заключённого тему, спросил: – Вы воевали?

– Нет, я всю войну в Ленинграде был. Сначала оборонительные сооружения строил, потом город восстанавливал. Куда только ни писал, чтобы бронь сняли, – ни в какую. Тёща у меня бывший парторботник, коммунист с двадцатого года, даже она не смогла поспособствовать. Но тогда везде фронт был. Хорошо хоть успел жену с тещей на Урал эвакуировать в самом начале блокады. Анечка тогда на последнем месяце беременности была, прямо в поезде и родила. Очень тяжело рожала. Ребёнок не выжил. Аня долго болела. А уж после войны, когда полностью оправилась и снова забеременела, меня посадили.

– А тёща жива ещё была, когда вас арестовали?

Глаза Василия весело блеснули:

– Уверен, она ещё нас с вами переживёт! Помните, как у Николая Тихонова: «Гвозди бы делать из этих людей, крепче бы не было в мире гвоздей!» Вот это точно про неё. Недолюбливала она меня. Потому что я значительно старше Ани и нет во мне ничего героического. Не военный, из семьи интеллигентов: отец – профессор философии, мать – врач. Из всей нашей родни ни одного коммуниста. Сплошь профессора да академики. В общем, по всем статьям недостойная личность.

Николай тихо рассмеялся:

– А как же дочь такой стальной женщины учителем музыки стала?

– Амалия Петровна, тёща моя, родила Аню прямо во время боя с колчаковскими недобитками в какой-то деревне под Иркутском. В том бою погиб отец Ани, а тещу ранило. Она на седьмом месяце беременности была, там до срока и родила. Анечка чудом выжила, росла слабенькой, постоянно болела. Тёща вечно была занята партийной работой, и с ребёнком сидела Анина пожилая тётка, которая и стала заниматься с ней музыкой. Амалия Петровна, дай ей бог здоровья, не стала препятствовать, когда дочь решила поступать в консерваторию. Видела, что Аня не пойдёт по её стопам. Но решила хотя бы найти дочери достойного мужа. А тут – я...

– Это что, – усмехнулся Николай, – моя тёща вообще прокляла свою дочь, когда она в мужа красноармейца голозадного выбрала. Татьяна была дочерью раскулаченного и расстрелянного купца Зубарева. Семья в Тобольске известная. Старообрядцы. Как-то вечером иду по улице, вижу – трое каких-то оборванцев девушку за старые склады тащат, ну и спас её. Таня вечером домой шла, а эти мерзавцы ограбили её и ещё насильничать хотели. Красивая она была очень. Прибил я этих скотов. Всех троих до смерти. А девушку на руках домой доставил. Влюбился в неё сразу. Стал провожать, оберегать. И она меня, спасителя своего, полюбила. Только родня её меня на порог не пускала. Ну и сбежала она со мной. А через полгода Татьяна моя от тифа умерла. Всю жизнь её забыть не могу. Были, конечно, другие женщины, но всё не то...

Немного помолчав, Николай вздохнул:

– Давайте спать, завтра на работу.

Глава 3

Зачёты

Из-за ледохода на Обской губе, до которой отсюда было рукой подать, всю следующую неделю погода стояла отвратительная. Но, несмотря на это, работа шла хорошо. Ни заморозки, ни северный ветер с дождём, ни метели, которыми сопровождается в этих местах ледоход, не мешали бригаде давать сто тридцать – сто сорок процентов. Но к вечеру понедельника насыпь будущей дороги подошла к широкому оврагу, по дну которого протекал бурлящий, сильно разлившийся ручей. По проекту здесь предстояло построить мост. Дорога в этом месте проходила через лесистый участок. Вокруг росли высокие раскидистые сосны, между которыми ещё белели снежные сугробы. Вальщики как могли зачистили склоны оврага от растительности, но сильно просевший после оттепелей снег обнажил несколько толстых пней, оставшихся от деревьев, росших по берегам ручья. Необходимо было полностью убрать стоящие теперь у самой воды пни и уже под руководством мостостроителей готовить площадки под деревянные подушки, на которые будет укладываться металлическая основа моста.

Толкая по настилу тяжёлую тачку с песком, Василий всё поглядывал в сторону оврага, прикидывая, какая работа завтра им предстоит и как это отразится на выполнении нормы.

Когда раздалась долгожданная команда «Съём!» и все собрались на построение, Альберт достал из планшета тетрадь с карандашом и сделал объявление:

– Внимание! На завтра нам нужны двадцать человек, чтобы срезать пни и установить мостовые опоры – подушки. На каждой подушке работать будут две бригады по пять человек, сменяя друг друга. Одна бригада работает – другая греется у костра. Руководить будет инженер-мостостроитель. Работа трудная, в холодной воде, но и зачёт будет день за семь и ещё двойная пайка. Есть желающие?

Желающих оказалось много. Не менее сорока человек подняли руки, а самые нетерпеливые стали пробираться ближе к бригадиру. Соблазнившись перспективой провести половину рабочего дня у костра с зачётом день за семь да с двойной пайкой, Василий тоже поднял руку и двинулся было вперёд, но сзади кто-то схватил его за рукав.

Это был Николай.

– Куда вы?! С ума сошли?

Василий удивлённо посмотрел на Чупракова. Густые брови тоболяка были нахмурены, серые глаза смотрели сердито.

– Почему?

– Вам что, жить надоело? Это же целый день в ледяной воде! К завтрашнему утру там будет уже по пояс, никакой костёр от простуды не спасёт. И после работы ещё в лагерь мокрому возвращаться. Обязательно застудитесь. Мёртвым зачёты ни к чему. Половина добровольцев послезавтра в санчасти окажутся. Вот увидите.

Стоявший рядом латыш, слышавший их разговор, тут же опустил поднятую руку и что-то сказал по-латышски своим землякам. Те тоже опустили руки.

Во время войны в блокадном Ленинграде Василию доводилось видеть целые штабеля трупов ослабленных голодом людей после работ в ледяной воде, но то, казалось, было в какой-то другой жизни. Немного поколебавшись, он всё же опустил руку.

Отобрав самых крепких, Альберт переписал фамилии в тетрадь и объявил построение.

Утром шестого июня вызвавшиеся добровольцами получили после развода у Пахомыча на инструментальном складе дополнительные пилы, топоры и кирки. После двойной порции на завтрак, не обращая внимания на сильный северный ветер, они весело шутили по дороге, но, прибыв на место работы, заметно приуныли. Слова Николая полностью подтвердились.

Уровень воды в овраге действительно поднялся, и добровольцы, записавшиеся на установку подушек, теперь растерянно, с опаской посматривали в овраг. Альберт отправил шестьдесят человек на укладку рельсов по уже сформированной насыпи. Остальные, в том числе Зверев и Чупраков, были поставлены помогать добровольцам на подушках.

Вместо «вертушек» с песком к месту работ сегодня прибыли кран и несколько платформ с просмоленным брусом, шпалами и рельсами. Из окруженной клубами пара кабины паровоза неторопливо спустился высокий мужчина, лет пятидесяти, в новеньком полушубке, новой шапке-ушанке и меховых рукавицах. Это был инженер-мостостроитель, элита «Пятьсот первой» стройки. Все мостостроители были расконвоированными и беспрепятственно перемещались по всей проложенной дороге. Они руководили строительством мостов и водопропусков, следили за их состоянием и своевременным ремонтом. Привилегий у мостостроителей было много: освобождение от общих работ, свободное перемещение за пределы лагеря, хорошее обмундирование, дополнительный паёк, но и ответственность на них лежала немалая. Любая авария на подконтрольных им объектах тут же могла быть признана диверсией, за что ответственным лицам неминуемо грозил расстрел.

– Гудков Олег Владимирович. Инженер. Буду руководить строительством моста на данном участке, – представился прибывший и предъявил документы старшему конвою и бригадиру.

Охранники проверили железнодорожный состав и отправились дальше греться у костра.

Глянув на тяжёлое свинцовое небо, по которому ползли снежные тучи, на чернеющую в низине извилистую полосу ручья, Гудков потёр руки:

– С погодой нам, конечно, не очень повезло, но нужно, товарищи, поднажать. Через неделю здесь должен стоять мост. Чтобы перевыполнить норму, нам нужно закончить раньше. Так что вперед и с песней!

Быстро осмотрев фронт работ, инженер сразу дал команду наладить хорошую переправу через ручей, потому что четырёх стянутых железными скобами брёвен, по которым бригада вальщиков переправлялась на противоположный берег, было недостаточно.

Двадцать человек помощников в сопровождении одного охранника сразу отправились в лес. Найти подходящие деревья оказалось не просто, но первые четыре бревна были на месте уже через час. К этому времени у края оврага уже горел большой костёр, вокруг которого обогревалось с десятков добровольцев. словно исполняя замысловатый танец, они поворачивались к колеблющемуся на ветру пламени то одним боком, то другим. От мокрых ватников и телогреек шёл пар. В овраге, спустившись по крутому склону, стоя по пояс в воде, четыре человека быстро пилили под корень два торчавших у самой кромки воды толстых пня. Работа шла плохо. Замёрзшие пилы торопились и резко дёргали пилу, отчего она постоянно застревала. То и дело кто-то из них поскользнулся и по грудь, а то и с головой погружался в ледяную воду, крича от холода и отчаянно матерясь.

Альберт стоял на насыпи и всё поглядывал на часы.

– Смена! – вдруг резко выкрикнул он, и четверо пильщиков, резко бросив застрявшие в древесине пилы, стали выбираться на берег, а им на смену уже спускалась следующая четвёрка.

– На кой чёрт нужно пылит эти пны? – спросил коренастый азербайджанец Бахтияр, вытирая со лба пот и с ужасом глядя на эту картину. – Кому оны мэшают?

– Чтобы уложить подушки, на которых будет стоять мост. А чтобы подушки не размыло, склоны под мостом необходимо укрепить, а для этого нужно всё расчистить, – объяснил стоявший рядом с ним Василий.

– Сэйчас укрэплят будут? – удивился Бахтияр.

– Нет, сейчас это невозможно. Земля промёрзшая.

– А зачём тогда сейчас в самой водэ пылит?

Василий пожал плечами.

Отдохнув немного у костра, принесли ещё три бревна. Четверо помощников остались скреплять переправу и нашивать сверху доски, остальные отправились на разгрузку бруса и шпал.

Под бойким руководством инженера и бригадира к обеду переправа была полностью готова, штабеля пятиметрового бруса просмоленной лиственницы уже были перенесены и аккуратно лежали по обоим берегам ручья, все пни были срезаны под корень. У кострожогов работы сегодня было особенно много. Они, не приседая ни на минуту, бегали по всему обозначенному охраной периметру, стаскивая всё, что можно было кинуть в большой костёр, у которого обогревались добровольцы, попутно не забывая ещё поддерживать костры охраны и блатарей. Альберт время от времени ходил проверять работы на насыпи. Там укладкой железнодорожного пути руководил знакомый Василию по этапу помощник бригадира Семён Марцинкевич – выпускник Томского сибирского института инженеров транспорта. Своё дело он знал хорошо, и работа шла как надо.

Во втором часу пополудни вдали наконец показалась телега Гочи и раздалось долгожданное:

– Обед! Обед! Обед!

Добровольцы первыми получили свою двойную порцию пшёнки и тесным кругом расселись вокруг костра. Даже у огня на сильном холодном ветру они никак не могли согреться, и было видно, как трясутся в их руках алюминиевые ложки. Остальные бригадники, устроившись кто где, поглядывали на них с сочувствием.

– Спасибо вам, Николай Григорьевич, за то, что вовремя остановили меня. После таких ванн я бы точно слёг и вряд ли бы уже поднялся, – глядя на парящие телогрейки и хмурые лица добровольцев, тихо сказал Василий сидящему рядом Чупракову.

Тот, уже расправившись с кашей и сосредоточенно вытирая остатки кусочком хлеба, кивнул:

– Пожалуйста. Правильно сделали, что передумали. От таких работ лучше держаться подальше.

– Скажите, долго вы жили в этих краях?

– Больше трёх лет. После разгрома банд в двадцать втором году меня и ещё два десятка красноармейцев оставили в Обдорске поддерживать порядок и разыскивать бандитов, скрывавшихся в тундре. А в двадцать пятом я уже был на Кавказе. Там в то время горцы сильно бунтовали.

– А с ненцами вам много доводилось общаться?

Николай поставил на снег опустевшую миску и осторожно отхлебнул из кружки кипятка.

– Доводилось, конечно. Бывало, в самоедских стойбищах неделями жили. Особенно зимой, когда пережидали пургу или лютые морозы. Ненцы всегда у нас проводниками были. Без них в тундре пропадёшь. Сколько учился у них в тундре ориентироваться, так до конца и не понял, как им удаётся так точно дорогу находить. Бывало, даже звёзд не видно, темно, всё вокруг одинаковое, а они спокойно что-то себе под нос напевают да знай олесек длинной такой палкой, хорей называется, погоняют. И, куда нужно, привозят, – Николай усмехнулся. – Чудеса, да и только! Вот в наших тобольских лесах я как у себя дома. Отец в детстве, бывало, даже лупцевал за то, что по тайге с ружьём бегаю, вместо того чтобы в цеху ремеслу учиться.

Василий представил себе мчащиеся по ночной тундре, запряжённые оленями сани. Впереди сидит ненец с длинной палкой, а позади него долговязый красноармеец в будёновке и с винтовкой.

– А я всю жизнь в городе прожил. Летом и по выходным на дачу ездили, ну на речку иногда на пикник выбирались. Зато каждое лето отдыхали на море, в Крыму. Мы с Анечкой там замечательный медовый месяц провели.

– Я под Севастополем в госпитале после ранения лежал. Вид из окна – не описать, до чего красивый, и шум прибоя слышно, – Николай мечтательно вздохнул, глотнул из кружки и весело посмотрел на соседа: – Ничего, Василий Семёнович, после освобождения мы с вами обязательно встретимся в Крыму. Вы меня с женой познакомите, и мы выпьем замечательного крымского вина. А пока – будем здоровы!

Он протянул кружку.

Василий рассмеялся:

– Дай бог!

Они чокнулись кружками с остывающим кипятком.

После обеда Альберт отправил всех работать на насыпь, а добровольцы продолжили отрабатывать свой зачёт. Разделившись на пятёрки, они долбили кирками мёрзлую землю, подготавливая площадки для мостовых опор. Время от времени оттуда доносились матерные крики соскользнувших в ледяную воду добровольцев, и Василий не раз ещё мысленно благодарил Николая за то, что не оказался в их числе. Таскать шпалы и забивать в них кувалдой толстые железные костыли тоже было делом нелёгким, но работать на сухой насыпи куда лучше, чем махать ломом и киркой на скользком склоне оврага.

Несмотря на трудный день, колонна возвращалась с работы быстро. К вечеру ветер ещё усилился, сыпануло ледяной крупой, и конвой, хоть и был по своему обыкновению уже хорошо подогретый алкоголем и в тёплых полушубках не особенно мёрз, дал команду прибавить шаг, чтобы поскорее вернуться в натопленный барак. Добровольцы в отсыревшей, покрывшейся ледяной коркой одежде, стиснув зубы, чтобы не стучали от холода, тоже не отставали и, несмотря на усталость, были, кажется, готовы перейти на бег. Все дрова вокруг оврага за сегодня были сожжены, поэтому в лагерь, кроме инструмента, нести было нечего.

Глянув на работяг, инструментальщик Пахомыч покачал седой головой и замахал руками:

– Брошайте скорее всё, брошайте, я пошле ражберу. Шкорее в тепло, шкорее, рыбятки.

Проходя без шмона мимо заливающихся лаем овчарок в предзоннике, Василий мысленно сделал пометку в календаре. План сегодня был выполнен, а значит, ещё два дня заключения остались позади.

Следующие двое суток все заключённые лагеря сидели в своих бараках.

Начавшийся во вторник вечером снегопад превратился за ночь в такую свирепую метель, что в среду утром двери пришлось откапывать, а выходящие на северную сторону окна были занесены почти наполовину. Резкие порывы ветра с завыванием били в тонкие набивные стены барака, отчего те дрожали и потрескивали. На случай непогоды запас дров в лагере имелся. У каждого здания, где топилась печь, стояла поленница, поэтому две печки третьего барака топились без экономии, но жарко в помещении не было. Всё тепло выдувалось неистовствующим ветром через многочисленные щели наспех построенного здания.

После подъёма Сновецкий ходил к нарядчику и, вернувшись, дал команду построиться в бараке. В присутствии надзирателя Степаныча он провёл перекличку и объявил:

– Внимание! В связи с неблагоприятными погодными условиями бригада сегодня на работу не выходит. Завтрак, обед и ужин будет в бараке. По нужде выходить осторожно. Видимость плохая, легко заблудиться даже внутри лагеря, набрести на ограждение периметра и получить пулю от охранника на вышке. Напоминаю: приближение заключённого ближе, чем на пять метров, к ограждению расценивается охраной как попытка бежать. Огонь на поражение открывается без предупреждения. Всё. Разойдись!

Новость восприняли по-разному: кто-то был рад возможности отдохнуть и отоспаться, кто-то был расстроен тем, что заработать зачёт сегодня не получится.

Поскольку день был нерабочий, на завтрак бригада получила половинный хлебный паёк в четыреста граммов на человека, жидкую пшённую кашу и кипяток. Сахара не дали совсем.

После завтрака все отправились досыпать. Дневальный с помощником натаскал дров, поставили на печки набитые снегом вёдра и уселись за стол играть в домино. В бараке было несколько самодельных, расчерченных в чёрно-белую клетку досок с самодельными же, грубой работы шахматами и шашками, а также вырезанное руками заключённых домино в деревянном ящичке.

Василий укутал бушлатом застывшие от гуляющих по полу сквозняков ноги, накрылся с головой одеялом и, слушая завывания ветра, вдруг представил, каково сейчас тем, кто находится в ШИЗО. Старожилы «Глухариного» рассказывали, что тёплый воздух в три камеры изолятора попадал через узкие решётки в дверях из тамбура, где топилась небольшая печка. Кроме охраны, туда никто не имел право заходить, и в их обязанности входило топить печь. Охранникам, конечно же, лень было ходить по морозу подкидывать дрова, и они шли на хитрость: засовывали в печь старую телогрейку, от которой из трубы шёл дым, но тепла от неё, конечно же, было не много. Хлеба проштрафившиеся заключённые, как и везде, получали вдвое меньше положенных четырёхсот граммов, вместо кипятка – холодную или чуть тёплую воду, а о положенной по норме один раз в три дня горячей пище даже речи не было. Поэтому зимой после нескольких суток, проведённых в таких условиях, мало кто выживал. А сейчас, должно быть, печь там и вовсе не топилась. Оставалось надеяться, что в изоляторе никого нет. С этой мыслью Василий надолго провалился в сон.

Разбудил его обеденный набат, глухо доносившийся откуда-то издалека. За окном всё так же крутился и завывал снежный вихрь. В едко накуренном бараке царил всё тот же полумрак. Единственная лампочка в тамбуре тускло помаргивала. К вою пурги примешивался ещё какой-то непонятный гул.

Николай лежал на своём месте и курил самокрутку. По правилам курить на территории лагеря разрешалось только в специально отведённых местах и за курение на нарах можно было запросто угодить в карцер, но почти во всех лагерях надзиратели закрывали глаза на это нарушение, потому что пожары в лагпунктах случались крайне редко и в основном по другим причинам.

– Не знал, что вы курите, – удивился Василий, за всё время ни разу не видевший соседа курящим. – А что это за звук? Или это у меня в голове гудит?

– Дизельный генератор запустили. Наверное, где-то на линии провода оборвало. А курящим вы меня не видели, потому что курить было нечего, – он любовно посмотрел на самокрутку. – У латышей вот в шахматы выиграл пачку махорки, теперь курю.

– Ну у вас и выдержка! – улыбнулся Зверев. – Насколько я знаю, курящим трудно без папирос.

– Трудно. Но купить пока не на что, а просить не приучен.

У меня на этапе вещмешок жулики увели, вот и остался гол как сокол. Ни сменки, ни курева. Уж как чутко сплю, и всё равно ночью увели хабар. Виртуозы, мать их...

– А в игре что на кон ставили?

– Месячный паёк сахара.

Похлебав на обед пустых щей из кислой капусты, снова разбрелись по своим углам. Василий тоже собирался лечь отдыхать, но латыш Юрис, когда-то, по его словам, занимавший призовые места по шахматам в своей родной Риге, никак не мог смириться с поражением и потащил Николая играть в шахматы. Все «лесные братья» собрались болеть за своего товарища. Николай же сидел за столом в одиночестве. И Василий не мог не остаться поддержать его.

Землячество в лагерях ГУЛАГа было развито очень сильно. В любом лагере на территории необъятной Советской страны, когда приходил этап, Василий Зверев всегда наблюдал одинаковую картину: после того как всех пересчитали, обыскали и прочее, к вновь прибывшим подходили латыши, азербайджанцы, евреи, чеченцы, таджики, забирали своих и помогали им устраиваться на новом месте. И только русские всегда оставались одни. Как слепые котята, они

тыкались в разные бараки, ища себе место, а такие же русские люди равнодушно глазели на них и даже не пытались помочь. Василий наблюдал из лагеря в лагерь одно и то же, и ему было обидно и больно за свою нацию. Сам он всегда подходил к новичкам и по мере сил помогал им освоиться и объяснял что к чему.

Вот и сейчас за Николая болел только его сосед по нарам, но позже к Василию присоединился ещё малолетний Сашка, сидевший за конокрадство. Он с любопытством следил за игрой, пытаясь уяснить правила, и постоянно отвлекал игроков своими вопросами.

За два часа было сыграно три партии, в двух из которых Николай вышел победителем, выиграв ещё одну пачку махорки. Наконец, пожав друг другу руки, игроки разошлись.

– Где вы так хорошо научились играть? – просил Василий, забираясь под одеяло и пытаясь унять голодное урчание в животе.

Николай прикурил у соседа сверху самокрутку и медленно выпустил струйку дыма.

– Здесь же, в Обдорске, научился. Мы радиостанцию охраняли. Она располагалась в доме бывшего купца. От прежнего хозяина шахматы остались. Вот меня и научили. Увлёкся. Потом даже в соревнованиях участвовал.

В животе Василия снова что-то неприятно сжалось, защёлкало и громко заурчало. Он болезненно поморщился:

– После этой капустной похлёбки у меня в желудке чёрт-те что творится и ещё больше есть хочется...

– Хоть что-то дают, и то спасибо, – усмехнулся Чупраков. – Могли бы и вовсе не кормить. Сами знаете. Кстати, ненцы капусту совсем не терпят. В Обдорске после восстания, пока шло следствие, под арестом и русские, и ненцы долго сидели, так их одной капустой кормили. Из русаков ни один не помер, а привычные питаться мясом и рыбой самоеды почти все животом маялись и мёрли как мухи.

– Я не понимаю, как ненцы вообще умудряются выживать в этом адском краю.

Василий скривился от нового желудочного спазма, достал из кармана кусочек хлеба, оставленный на ужин, закинул в рот и принялся медленно жевать.

– Ну, тут вы не правы, – возразил Николай. – Этот край удивительный, по-своему красивый и очень богатый. Не зря же ещё в старину сюда купцы со всего мира приезжали. Ненцы живут здесь тысячи лет и отлично приспособлены к местным условиям. Это их дом. У них свой образ жизни, своя культура, и без нас они отлично бы обошлись, а вот мы без их Севера теперь уже никак не обойдёмся.

Немного помолчав, Василий со вздохом кивнул:

– Да, вы абсолютно правы. Я ещё в тридцать шестом году слышал, что предстоит большая работа по строительству в Западной Сибири. Говорили, что здесь разведаны большие запасы полезных ископаемых и скоро будем строить целые города и заводы в северных широтах. Помню, тогда ещё подумал, что ни за какую зарплату не поеду что-то строить в какие-то необжитые северные края. А вот поди ж ты!..

Николай рассмеялся:

– Вот и я когда-то думал, что никогда больше не буду кормить северных комаров!

К вечеру, отдохнув и отоспавшись, народ в бараке заметно оживился. За игровыми досками шли горячие баталии, отовсюду слышались разговоры, в углу у блатных шумно, с прибаутками шлёпали в карты. Когда окна барака заметало снегом больше чем наполовину, дневальный со своим помощником выходили очищать их от снега и попутно расчищать крыльцо. Для бригадников же самой большой проблемой сейчас был поход в туалет. По малой нужде выскочить за барак – ещё полбеда, но пробираться по снегу к зданию туалета в обрезанных валенках – это было тяжкое испытание. После таких вылазок приходилось долго отогреваться у печи.

Несколько раз в барак заходил Степаныч. Стряхнув с шапки и полушубка снег, он грелся у печки, цепким взглядом осматривая обстановку, потом прохаживался по центральному про-

ходу, заводя, по своему обыкновению, пространные разговоры на разные темы. Общался с блатными, которые как только получали сигнал о появлении в бараке надзирателя, тут же прятали карты. Один такой разговор Степаныча с Климом почему-то очень заинтересовал Чупракова. Василий как раз рассказывал соседу один забавный случай в Крыму, который приключился у них с женой во время медового месяца, как вдруг Николай осторожно, чтобы никто не заметил, дал ему знак замолчать и, не поворачивая головы, стал сосредоточенно к чему-то прислушиваться.

– ... Вот у Колоскова в первом такие сюжеты – глаз не оторвать! Против твоих – прямо Третьяковская галерея! – со смехом говорил Степаныч.

– Колос фармазонщик⁷, ему без блеску никак, а вору мишура ни к чему! – в тон надзирателю весело ответил Клим.

– Ну да, ну да... – покивал Степаныч. – Ну, смотрите тут! Не балуйте!

– А у меня в госпитале тоже интересный случай был... – как бы продолжая разговор, стал говорить Николай, когда мимо, ухмыляясь в свои запорожские усы, проходил надзиратель.

– О чём это они? – шёпотом спросил Василий, когда за серым кардиналом хлопнула входная дверь.

– О занавесках, – с задумчивым видом ответил Чупраков. – Степаныч Климу попенял, что, мол, занавески у него старые, рисунки выцвели, а одна вообще заштопана. Мол, не по статусу как-то, что у Колоса из первого барака красивее...

– Ну, всё правильно. Клим авторитетный вор, пахан и выше Колоса в их уголовной иерархии стоит, – непонимающе нахмурился Василий. – И что?

– Да так, просто разговор интересный... – рассеянно, думая о чём-то своём, пожал плечами Николай.

После вечерней проверки и ужина, который состоял из половинной порции жидкой пшённой каши и кипятка, обитатели барака разошлись по своим местам, но спать никто не собирался. За окном всё так же завывала метель, и было ясно, что и завтра на работу выводить не будут.

Василию спать не хотелось, но и разговоры с соседом его порядком утомили. Всё ещё не решив, стоит ли доверять Николаю, он тщательно обдумывал каждое слово, чтобы не сказать чего-нибудь лишнего, а после трёх лет молчания это было очень утомительно, и к вечеру от напряжения стало ломить в висках.

Чупраков тоже не спал, но с разговорами не лез, а только ворочался с боку на бок, иногда дымя самокруткой. Его прогноз по поводу заболевших после работы в ледяной воде к вечеру подтвердился. После вечерней проверки несколько человек из добровольцев пожаловались надзирателю на высокую температуру и сильное недомогание. Степаныч выслушал каждого и велел тем, у кого температура за ночь не пройдёт, утром обратиться в медсанчасть.

Во всех лагерях, где успел побывать Василий Зверев, дни, когда заключённых не выводили на работу, заканчивались одинаково: уголовники от скуки вечером или ночью обязательно устраивали какую-нибудь пакость. То проигравшийся в карты блатарь начинал цепляться к простым работягам с целью забрать что-нибудь из вещей и продолжить игру, то проигравшийся в «Американку»⁸, исполняя желание выигравшего, начинал вытворять что-нибудь необычное или даже опасное. Или просто учинялись какие-нибудь разборки, заканчивающиеся, как правило, дракой или поножовщиной. Но здесь, на «Пятьсот первой», к удивлению Василия, ничего такого не произошло. Подручный и правая рука Клима, закоренелый уголовник Матюха, поставил на печку чайник и вызвал одного из бригадников к пахану «трёкать». Пожилой мужчина, по виду типичный интеллигент, кажется, его фамилия была Афонин, под-

⁷ Фармазонщик – мошенник, сбытчик фальшивых драгоценностей (уголовный жаргон).

⁸ «Американка» – карточная игра, в которой проигравший обязан выполнить любое желание победителя.

нялся со своего места и послушно пошёл за Матюхой в воровской угол. Во всех лагерях блатари обычно находили какого-нибудь учителя литературы, филолога или просто начитанного человека и заставляли его часами пересказывать им какое-нибудь литературное произведение. Это и называлось на тюремном жаргоне «трёкать». Хорошего рассказчика обычно угощали чаем, хлебом, папиросами.

Закрыв глаза, Василий слушал завывание вьюги за окном, тихие разговоры соседей и провалился в сон.

Следующий день не особенно отличался от предыдущего, только в бараке теперь отовсюду слышался сухой, лающий кашель. Из двадцати добровольцев, работавших в ледяной воде, четырнадцать слегли с сильной простудой. Утром после проверки дежуривший сегодня прыщавый и сутулый надзиратель Агаев, по прозвищу Горбыль, привёл из медсанчасти врача. Лагерный доктор, расконвоированный заключённый, бывший военный врач, осмотрел больных, померил температуру и только покачал головой. За отсутствием лекарств он выписал всем освобождение на три дня от работ, назначил ОП – оздоровительное питание, и, пообещав зайти после ужина, удалился. Оздоровительное питание означало, что на период освобождения от работ они будут получать к основному рациону дополнительную порцию каши.

Всё так же свистела за окном вьюга, питание было такое же плохое, и не занятые работой люди, чтобы отвлечься от мыслей о еде, занимали себя настольными играми и разговорами. Но самое скверное, что некоторые бригадники сегодня, чтобы заглушить голод, начинали пить больше воды. В Норильлаге Василий много раз видел, как от слишком большого количества выпитой жидкости у заключённых начиналась водянка. Они быстро распухали, буквально превращаясь в груши, и умирали. Поэтому он стал следить за теми, кто слишком часто подходил к ведру с водой, чтобы, если так продолжится дальше, подойти и объяснить им возможные последствия.

Только к утру пятницы метель начала стихать, и сразу после обеда все бараки вывели на расчистку территории лагеря и железнодорожных путей. Работы было много. На «железке» обстановка была получше. Сильный ветер не давал задерживаться снегу на насыпи, и только на некоторых лесистых участках и у лагеря, где был разъезд, лежали плотно сбитые сугробы.

Последствия непогоды ликвидировали до воскресенья. Первая и вторая бригады под охраной конвоиров, которые, судя по их лицам, последние два дня не просыхали от водки, работали на расчистке путей и дорог. Третья приводила в порядок территорию лагеря. Со дня на день должна была начаться большая оттепель, и, чтобы избежать подтопления зданий, весь снег с территории лагпункта, а также у зданий за периметром был убран, для чего плотникам пришлось срочно изготовить дополнительные носилки для переноски снега.

К вечеру воскресенья лагерь был полностью приведён в порядок, закрепленный за «Глухариним» участок железной дороги расчищен, и в понедельник утром бригады были выведены на работу в обычном режиме. Только третья бригада Сновецкого вышла на работу неполным составом. Из четырнадцати заболевших добровольцев только трое смогли быстро оправиться от простуды и в среду выйти на работу. Пятеро были переведены с воспалением лёгких в лазарет, остальным продлили освобождение от работы до среды четырнадцатого июня.

На установку моста через злополучный ручей ушло пять дней. Вторая бригада уже вернулась с работ в карьере, и все, кто не был занят на установке моста, работали на отсыпке уже по ту сторону ручья, словно муравьи, бегая с тачками по деревянным мосткам. В пятницу шестнадцатого июня по настилу из бруса, уложенного на металлический пролёт, были проложены рельсы, доделаны металлические перила и проведены необходимые испытания. Мостостроитель Гудков всё это время жил в бараке охраны за зоной и ходил на работу вместе с бригадой. В воскресенье вечером на паровозе, который увозил платформу с краном, он отбыл в свою шарашку в лагере «Песчаный».

В эти дни наконец наступило настоящее лето. Под тёплым южным ветром и яркими лучами незаходящего солнца растаял последний снег и всё вокруг, словно в сказке, ожило после долгой зимней спячки. Набухшие почки деревьев выстрелили зелёными росточками, то здесь, то там шумными стайками перелетали с места на место шустрые куропатки, не особенно пугаясь людей, сновали песцы и лисы. В небе то и дело стремительно пролетали птичьи стайки. Воздух был наполнен перемешивающимися запахами прелой травы, оттаявшей болотной тины, хвой и терпким ароматом багульника. Общее настроение портили только горестные вести, приходившие из лазарета. Из пяти добровольцев, попавших туда с пневмонией, четверо так и не смогли оправиться от болезни, а один всё ещё находился в тяжёлом состоянии.

Как и во всех лагерях ГУЛАГа, гробов покойникам в «Глухаринном» не делали. Тело укладывали в мешок или оборачивали в старую простыню, увозили на телеге в ближайший лес. Кто-нибудь из заключённых за дополнительную пайку выдалбливал в мёрзлой земле неглубокую яму, в которую и клали одного или сразу несколько покойников. Сверху над могилой ставилась табличка с номером захоронения, а личное дело заключённого отправлялось в архив с пометкой: «Похоронен по 3-й категории, в рубахе и кальсонах».

Глава 4

Муркины боты

Трансполярная магистраль быстрыми темпами всё дальше уходила на Восток, и на работу бригады теперь доставляли по железной дороге. Видимо, по причине того, что пешком теперь ходить далеко было не нужно, некоторые из конвоиров к концу рабочей смены напивались так, что заключённым уже два раза приходилось грузить их в вагон, а потом нести до проходной вместе с оружием. И даже суровый Подгорный не мог ничего с этим поделать. На всех стройках катастрофически не хватало охранников, из-за чего им приходилось работать без выходных и тем более отпусков.

Между второй и третьей бригадой шло активное соревнование за перевыполнение нормы, и обе бригады всеми правдами и неправдами «натягивали проценты». В лагере ходили разговоры, что скоро всех заключённых будут переводить в новый лагпункт, строительство которого уже началось в пятнадцати километрах от «Глухарино». Говорили, что несколько дней назад ночью у последнего построенного моста выгрузили этап, который угнали туда с сухпайком, палатками и инструментом.

В воскресенье восемнадцатого июня после бани всем заключённым выдали летнюю одежду. Кожаные ботинки выдали ещё неделю назад, и теперь очередь дошла и до одежды. Скинув старое, завшивленное тряпье, рабочие шли мыться и на выходе получали всё новое. Кладовщик с дневальными быстро на глаз подбирали размеры, совали каждому в руки что положено, а уже потом, если кому-то что-то не подходило, заключённые менялись между собой. Среднестатистического роста и телосложения Василий, получив рубаху, фуражку, шаровары, полупальто и всё прочее, что полагалось, за исключением полотенец, переделался во всё новое и остался доволен. За три года заключения он ещё ни разу не получал такого полного вещевого довольствия, да ещё нужного размера. Зато рослому и широкоплечему Николаю пришлось несколько раз обращаться к кладовщику с требованием обменять выданные не по размеру вещи.

Когда последние двадцать человек вернулись из бани в барак, Альберт с помощником Семёном Марцинкевичем принесли две коробки, выдали каждому по списку полагавшиеся за перевыполнение нормы две продолговатые пачки бийской махорки и сообщили приятную новость:

– Замначлага только что сказал, что на следующей неделе к нам в ларёк завезут товар, а в следующее воскресенье выплатят денежное довольствие.

– Ну, жизнь вроде налаживается! – улыбнулся Зверев и протянул Николаю махорку. – Возьмите, пожалуйста, мне она ни к чему.

Чупраков покачал головой и отодвинул протянутые пачки в плотной коричневой бумаге:

– Спасибо, Василий Семёнович, но я не возьму. Не курите – поменяйте на сахар или хлеб. Продукты важнее, от питания зависит жизнь. К тому же курево у меня есть, и мне этого достаточно.

– Возьмите, прошу вас. Я не буду ничего ни у кого выменивать. Просто отдам кому-нибудь, и всё. Пожалуйста, возьмите, мне она действительно ни к чему, – он снова протянул махорку.

– Ну, если менять не хотите, тогда возьму, – наконец согласился Чупраков. – Спасибо большое! У меня в камере хранения пустой чемодан хранится, единственное, что сохранилось из моих вещей, пойду положу в него махорку.

В приподнятом настроении Василий улёгся на своё место и, наслаждаясь моментом, закрыл глаза. Первый раз за три года он чувствовал себя так хорошо. Он лежал в тёплом поме-

щении, после бани, в чистой одежде, и его почти не мучил голод. А ещё у него появился товарищ. Он уже отбросил мысль, что Чупраков провокатор, и не опасался, что лагерная администрация задумала избавиться от него, но по привычке всё ещё подбирал слова, общаясь с Николаем, и не заводил разговоры на опасные темы.

Основной темой бесед были, конечно же, зачёты, от которых зависело освобождение и будущая жизнь на свободе. С наступлением тепла тоска по дому ощущалась всё острее. Он написал ещё два письма в Ленинград: одно жене и одно теще Амалии Петровне с просьбой хоть что-то сообщить об Анечке, но ответа пока ждать было рано.

В целом всё шло хорошо, но две вещи всё же его беспокоили: возможный побег уголовников и грядущий перевод в другой лагерь. О готовящемся побеге они с Николаем больше не говорили, и в поведении блатарей ничего подозрительного больше не замечалось, но печи в бараке всё ещё топились, и гораздо сильнее, чем было нужно для сушки одежды и обуви. Если уголовники всё же сбегут, всю третью бригаду затаскают по допросам и непременно побоями заставят кого-нибудь признаться в сообщничестве и ещё дать показания на соседей. А потом всю оставшуюся бригаду расформируют и отправят туда, откуда уже не возвращаются.

И с этой стороны плановый перевод на новое место был бы даже на руку. Это часто практиковалось во всех лагерях ГУЛАГа. Людей переводили с места на место, для того чтобы между заключёнными не заводились знакомства и не образовывались опасные сообщества. По рассказам тех, кто работал на «Пятьсот первой» с самого начала, здесь так же из заключённых разных лагерей и разных бригад формировали новые бригады и отправляли на новый участок.

Сейчас здесь, в третьем отряде «Глухариного», было хорошо, спокойно. Блатари под жёстким присмотром Клима работяг особенно не обижали. За всё время было только пару инцидентов с отобранными посылками и денежными переводами. И всё. А, например, уголовники из первой бригады на работе раздавили бревном грудную клетку какому-то пожилому еврею за то, что тот грубо ответил на какую-то их шутку про его нацию, одному работяге отрубили топором пальцы на руке просто за то, что тот случайно задел в строю лопатой кого-то из блатарей. Всё это, разумеется, представили как несчастный случай. Во второй бригаде было не лучше. Так что оказаться после перевода в одном бараке с этими нелюдями совсем не хотелось. Да и с Николаем, первым человеком, которому он начал доверять, расставаться не хотелось. Оставалось только ждать и надеяться на лучшее.

Так размышляя, Василий сам не заметил, как задремал. Разбудил его голос вернувшегося Чупракова:

– Какая на дворе красота! После дождя немного сыровато, но воздух просто благоухает сосной и багульником, и солнце греет совсем по-летнему.

– Как думаете, когда нас будут на новый участок переводить? – спросил Василий.

Николай улёгся на своё место и пожал плечами:

– Кто их знает... Думаю, недели через две. Максимум через месяц. Как только к новому лагерю протянут электричество, связь и построят здания для администрации, сразу переведут. Нас пока в палатках разместят, потом бараки построим или землянки выкопаем. Кстати, как только дадут денежное довольствие, нужно будет через Гочу заказать из Салехарда хотя бы две пары женских чулок. Скоро их будет не достать.

– Это ещё зачем? – удивлённо спросил Василий, глянув на соседа.

– Вы не жили на Севере, Василий Семёнович, и не представляете, что такое здешние комары и мошкара. Они способны свести с ума и даже насмерть заесть человека. Спасает от них только дым или головной убор с широкими полями, на которые пришивается разрезанный вдоль чулок. Он защищает лицо и шею. Через чулок всё видно, а ни комар, ни мошка добраться до лица через мелкую ячейку не могут. Я вас потом научу, как правильно сделать.

– Занятно... А местные жители как спасаются? Им ведь неоткуда взять чулки.

– Ненцы с приходом лета откочёвывают севернее, на открытые участки тундры. Там холоднее и постоянные ветра. Комара и мошкору сдувает. А те, кто остаётся в этих местах, спасаются в стойбищах дымокурами и мажутся рыбьим жиром. На пастбищах тоже для оленьей дымокуры делают. Когда комар заедает, олени дуреют. Не пасутся, скачут и бегают только. Худеют. И молоднякдохнет. Мы чем только ни мазались, чтобы спастись от этой напасти! И рыбьим жиром, и грязью, и илом, и хвоей варили... В общем, скоро сами поймёте, что это такое.

Василий озадаченно почесал чисто выбритый подбородок.

– Да уж... Мне доводилось слышать в Норильске о пытках комарами, когда раздетого донага человека привязывали к дереву и его до бессознательного состояния заедали комары, но я туда в сентябре прибыл и всю эту прелесть, слава богу, не застал.

– Ничего, войну пережили и с комарами как-нибудь справимся. Главное – исправно выполнять норму!

Прижимая к груди большой благоухающий букет пурпурных роз, Василий стоял у старинного здания консерватории и с учащённо бьющимся сердцем неотрывно смотрел на высокие дубовые двери главного входа. Сегодня они с Анечкой пойдут в ресторан и он сделает ей предложение. Во внутреннем кармане пиджака лежала бархатная коробочка с красивым обручальным кольцом. Он специально пришёл на полчаса раньше, чтобы было время успокоиться, но справиться с волнением никак не получалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.